

An aerial photograph of a deep blue sea filled with numerous yachts and smaller boats. In the upper right corner, a large, dark green pine branch hangs over the water. The sky is a pale, clear blue. The text 'Георгий Махоров' is overlaid in the upper left, and 'МИМОЛЕТО' is overlaid in a semi-transparent box in the center.

Георгий Махоров

МИМОЛЕТО

Георгий Махоров Мимолето (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8233057

ISBN 978-5-4474-0139-9

Аннотация

В книге представлены два несвязанных сюжетом произведения – рассказ «Блондинки & Тепло», написанный в стиле noir и построенный вокруг совпадений и сложности отношений, и повесть «Мимолето» – о курортных приключениях молодой пары, отягощенных детективной линией. Являются ранними произведениями автора, объединенными слоганом «совпадения неслучайны».

Содержание

Блондинки & Тепло	4
1	4
2	6
3	12
4	16
Мимолето	18
1. Первопричины	18
2. Бег по кругу	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Махоров

Мимолето

Блондинки & Тепло

1

Моя хорошая приятельница, – назовем ее Женя, – всегда поражающая меня глубокими познаниями в уголовном праве и смежных с ним науках, не так давно позвонила и пригласила к себе на дачу, на шашлыки. Женя – одна из самых интереснейших собеседниц в моей жизни, из любого слова которой я всегда почерпываю ту или иную полезную информацию, которой я всегда, в последующем, делюсь с другими, выдавая за исходящую от меня.

Помимо меня и Жени на даче присутствовали наши многочисленные общие друзья, в том числе ее постоянный друг Женя и ее же родная сестра Люся, с которой я имел честь путешествовать в одной компании по северным землям Германии в самом конце двадцатого века.

Дело в том, что Женя, будучи по профессии следователем, имеет доступ к определенному рода информации, которой в этот раз она со мной любезно (по-дружески) подели-

лась. Именно поэтому я оставляю реальное имя своего осветителя в тайне и выражаю особую благодарность за предоставление мне столь интереснейших фактов из жизни одного из многочисленных российских городов.

Итак, я еще раз подчеркну, что все нижеизложенное построено на фактах, процессуальным образом закрепленных в нескольких уголовных делах. Эти факты взяты мной в качестве некоего костяка или скелета; все же остальное в этом рассказе, как то: имена героев, их диалоги – лишь вымысел и порождение моего воображения.

Мой отец из той породы добрых и честных людей, на спинах которых другие паразиты строят свои жизни. При первом общении он может показаться несколько грубоватым, а иногда и надменным. Но поверьте мне, это всего лишь оболочка, а точнее – щит, за которым папа прячется от реальности, чтобы она не сильно его кусала. Не смотря на свои качества, чуждые для любого другого делового человека, отец к своему полувековому юбилею смог сколотить на ниве предпринимательства достойное себя состояние.

В тот вечер мы сидели на диване и смотрели старый фильм «Высота» – одна из немногих вещей, за которые папа смог бы отдать полжизни. Он осторожно погладил меня по волосам.

– У тебя красивые волосы, дочка. Такие светлые. Как солома. И пушистые... ты помнишь, у твоей матери были такие же?

Я, не отвлекаясь от экрана, ответила:

– Ты же знаешь, что не помню. Зачем тогда спрашиваешь?

Отец помолчал немного, и я подумала, что он забыл этот короткий диалог.

– Не держи на нее зла. Она сделала это из...

– Из-за чего? – спросила я, перейдя на высокие тона и перебив его. – Ну скажи, из-за чего она тебя бросила? Да еще

с молочной дочкой на руках? Из-за безграничной любви к нам? Да?

– Не нервничай, успокойся. – Он опять замолчал. – А может и правда из-за любви. Наверняка она понимала, что не сможет нам дать того, что требуется от хорошей жены и матери.

– А ты не выгораживай ее! Она могла бы перебороть себя. – Я нервно закидывала орешки к себе в рот. – Мне не нравятся мой цвет волос, я их перекрашу. Может и ты его забудешь.

На следующий день я отдала отцу бизнес-план одной кампании, который готовила несколько месяцев. Он бегло пролистал его и уставился на меня.

– Это будет шикарный магазин, ты так не думаешь? Все женщины города будут покупать товары для себя только в нем. Ты молодец, дочка. Это самый лучший подарок на мой юбилей.

Когда наш разговор подошел к концу, я попрощалась и вышла на улицу. Просидев за рулем своей машины около двадцати минут, я поняла, что папа слишком много сил отдал этому магазину. Что все, что я написала в бизнес-плане – полная чушь. Что магазин, акцент в котором сделан только на товары для волос – самая идиотская затея, в которую я когда-либо влезала.

Несмотря ни на что, через полгода салон-магазин «Цирцея» был подготовлен к открытию. Для нашего не такого уж

большого городка это событие было более чем значительным, особенно для его женской половины. Всем было известно, что будущий салон обещал предоставить покупателям самый большой в области выбор красок для волос. Одно лишь это обстоятельство повергало некоторых глупых дур в состояние шока и нервного истощения.

Но все сорвалось...

– Я не знаю, как так все получилось, – как бы оправдываясь, говорил мне папа. – Я сделал ошибку, когда решил, что сам лично профинансирую все это предприятие. Я не смогу без серьезных финансовых потерь за месяц все исправить, поэтому... не смогу открыться в назначенный срок...

Отец решил сработать без посредников и заключил контракт на поставку большой партии красок для волос непосредственно с иностранными партнерами. Но по неизвестным причинам вся краска, поставленная ему, оказалась темных тонов. Очень темных. На исправление этой ошибки уйдет никак не менее месяца. А если салон не откроется ровно через месяц, если не начнет поступать наличность, то все пойдет к чертям.

И тут меня переключило, прямо как телевизионный канал. Все вокруг стало таким... реальным. Да, да, более реальным, чем все прошлое. Как будто я всю свою жизнь шла к этому. Все подводило меня к этому, и линии судьбы пересекались в одном месте. Я совершила то, что мне в тот момент казалось наиболее подходящим, что просилось в голо-

ву и в руки... Я убила! Я совершила убийство!

В тот вечер, поздно возвращаясь домой и слушая медитативный ритм бьющихся о капот капель дождя, в голове моей путались разные мысли. Что-то среднее между теорией Раскольникова и поиском внеземных цивилизаций.

Сначала я ее не заметила. Какая-то танцовщица из дешевого бара в яркой одежде. Она стояла на обочине и голосовала. Я подъехала к ней и открыла боковое стекло. Платиновые волосы торчали во все стороны.

– Сестренка, – сказала она, – до центра не подбросишь?

– Садись, – я открыла дверь и впустила ее.

Запах табака мгновенно пропитал весь салон.

Когда я тронулась и попыталась прикрыть окно, оказалось, что стеклоподъемники не работают. Слушая ее пустую болтовню о последнем аборте, я достала из бардачка складной ножи и попыталась скovyрнуть нужную кнопку с ее стороны, чтобы поднять стекло вручную. И когда она говорила про «большое количество крови», я не выдержала и ударила ее ножом в грудь... А потом... Потом в живот.

Она смотрела на меня большими глазами, в которых пробегала все ее жизнь...

Я выкинула ее, за городом, в обочину. Было темно, и лило как из ведра. «Ненавижу блондинок», – написала я на клочке бумаги, и, обернув это послание в целлофановый пакет, засунула ей под рубашку.

Папа сидел и смотрел телевизор. Он ничего не ел весь

день. Поначалу я испугалась за него, точнее за его душевное, психическое состояние. Он сильно сдавал за последнее время, а кроме меня ему некому было помочь.

На следующий день весь город был охвачен паникой. Женщины Содомы и Гоморры боялись, особенно, почему-то, брюнетки.

«Старые дуры», – шептала я, когда душила белую болонку одной из них. На ошейник трупа я повесила то же самое послание.

Дохлая собачка была последней каплей.

К отцу стали настойчиво звонить, прося открыть магазин как можно раньше. А ведь эти дуры могли купить краску и в другом магазине. Ленивые и бездельные домохозяйки, живущие в мире иллюзий о своей значимости. Вся жизнь – походы из маникюрного салона в студию йоги, одобренные дешевым кокетством и бессмысленными разговорами. В этом все они. В этой пустой болтовне, в раздувании всего до планетарных масштабов. Теперь, боясь за свои задницы, они поголовно решили стать брюнетками, даже те, кто раньше были рыжими. Что бы на вопрос: «Где ты покупала краску? Не в этом ли новом салоне на „ц“?», ответить: «Да. Но там несколько дороговато».

Папа открыл магазин почти на месяц раньше.

Когда ровно половина той партии красок было продано, я ехала к нему, чтобы первой сказать эту новость. Погода стояла прекрасная. Утреннее солнце играло со мной бликами

на лобовом стекле. И вдруг! Удар в бампер! Сзади какой-то осел подтаранил меня! Мужики ничем не лучше женщин, чаще даже глупее!

Я вышла из машины, на ходу вспоминая стоимость задней фары.

Виновник аварии шел ко мне, смотрел на меня. Такой бледный, такой смущенный и такой... милый.

Была середина октября. Говорили, что до первого снега было еще далеко. Но дожди лили как из ведра. Это время я никогда не забуду.

Дела шли стабильно, даже очень. Особым спросом в моем провинциальном магазине пользовались телефоны и небольшие обогреватели. Обещали серьезную зиму. Именно поэтому мой должник – владелец магазина по продаже бытовой техники в другом конце города – привез очень большую партию недорогих и качественных печей-обогревателей. Но нет, конечно, начиналось все не с этого.

Почти полгода назад от меня ушла подруга-невеста-почти жена-любовь-моя жизнь-мои будущие еще нерожденные дети. Она забрала с собой мою веру в себя и чувство мужчины. Это все сложно, очень сложно, и это все не для слов.

Но теперь я снова в колее. Почти. Хотя полгода прошли как два, с глаз долой – из сердца вон. А жаль. Все, что я сейчас имею, я построил с ней. Мы вместе челночили, вместе открывали первый магазин в вагончике, а потом и полноценный, настоящий, большой. Было весело – сначала Турция, Кипр, потом Венеция, Рим, Париж. Она часто говорила: «Увидеть Париж и умереть». Вот мы и увидели, но она не умерла, а ушла к другому. Жаль, а может оно все и к лучшему. Ведь все происходит не с нами, а для нас.

После ее ухода у меня все покатилося к чертям. Деньги уплывали от меня, проходили, как корабли мимо маятника. Пропала какая-то деловая жилка, а вместе с ней удачливость и везение.

Тот парень занял у меня большую сумму, очень приличную, что не говори. А я думал, что раз не везет мне, так пусть помогу чем-нибудь другому, пока вообще не остался на бабах.

И вот настал день и час, когда я сильно встрял. Встрял по-настоящему, надолго и серьезно. Завертелось все: налоговая инспекция, налоговая полиция, я, моя почти жена, мои нерожденные дети, пожилые родители в Поволжье.

Я думал, что это конец, но оказалось – нет. Погиб мой должник, тот парень с обогревателями. Состояние, опять же, не опишешь словами. В общем, я согласился взять долг этими печками. Это все жена и родственники того парня, ну и водка, конечно. Когда я все осознал, было уже поздно.

Как та старуха у разбитого корыта, я сидел с огромной партией электрических обогревателей в первые дни отопительного сезона в городе. Покупательная способность товара на нуле, как и мои жизненные силы и вера в реальность происходящего. Единственным выходом из положения я видел одно – заставить людей покупать эти долбанные батареи. Но как?

Не буду рассказывать, как меня осенило, скажу лишь, что я решил... взорвать ТЭЦ.

Подготовительный этап был самым несложным. Нужные связи делают свое дело. А где их нет, помогают хрустящие бумажки.

Итогом моей работы стал один мощный взрыв главной ТЭЦ, питающей многочисленные районы. Такого город не видел и вряд ли еще увидит. Правда, в эти дни какой-то маньяк объявил войну всем блондинкам, как я – теплу.

Была поздняя осень, холод, сырость. Три дня в таком морозильнике проведет разве что самоубийца.

Я продал почти семьдесят процентов партии, а все потому, что снизил цену почти на треть. «Мои обогреватели стоят чуть дороже зажигалки» – было девизом моей рекламной кампании, причем недалеким от реальности.

Следователь пришел ко мне на работу, прошел в мой кабинет. Ничего конкретного не говорил, а задавал какие-то глупые вопросы, чем вывел меня из себя.

После короткого допроса я выскочил на улицу, сел в машину и с шумом тронулся.

Яркое солнце светило прямо в лобовое стекло. Я попытался смириться с этим, щуря глаза, но ничего не выходило. Пока я искал солнцезащитные очки в портфеле, бампер моего авто столкнулся с такой... красоткой.

Она шла прямо мне на встречу. Светлые волосы золотом блестели на солнце. А грозный взгляд фиолетово-голубых глаз постепенно становился таким... знакомым.

Она не знала, что сказать. Зато у меня слетело с уст:

– Извините, что поцеловал Вас... машиной.

Я сидел в кафе, напротив того места, где все случилось. Сидел и пил дурацкий шоколадный коктейль, потому что брусничного у них не оказалось.

Я опять сбежал из школы и сидел в тот момент, как на иголках, зная, что произойдет дальше. Завуч позвонит на работу маме, та пробежит по всем местным кафешкам и кинотеатрам и в конце концов найдет меня здесь, сидящим, пьющим и наблюдающим. Но это все неважно. Важно то, что было за окном.

Молодая женщина, очень красивая, со светлыми волосами вышла из машины и направилась к виновнику аварии. Не знаю почему, но они были похожи на кукол... вот он ей что-то сказал, а она... она взяла его за руку. Странно, как будто знакомые.

На другой стороне улицы я заметил мать. Она не понимает сути проблемы. Тринадцать лет – факт сам по себе проблемный. И их развод я переживаю ни чуть не легче. Надо купить ей нужную книжку.

Вот она зашла в кафе и заметила меня. Я полез под стол. – Вылезай, – сказала она, вытирая слезы. – Вылезай и пошли домой.

Я медленно вылез и посмотрел в окно, на людей-кукол. На них надевали наручники люди в форме. Не знал, что

за аварию могут арестовать.

Их тоже стало жаль.

Мимолето

Сестрам

1. Первопричины

Это могло случиться только со мной. Конечно, а с кем же еще?

Я осторожно припарковался около обочины и посидел в салоне несколько минут. В предчувствии близости нервного истощения достал из бардачка антистрессовые таблетки (они стали неотъемлемой частью моей жизни еще во времена экзаменационных сессий в университете) и проглотил парочку. Все, теперь можно вылезти из машины и осмотреть колесо. Ну да, конечно, только у меня могло спустить колесо на абсолютно чистой и гладкой как лед дороге. Это паника, надо успокоиться.

Черт бы подрал эту поездку. Но назад я не отступлюсь. А как все хорошо начиналось...

Таня бегала по квартире. Хотя нет, не бегала, а металась, хватая на своем пути все бьющиеся предметы и замахиваясь ими в надежде, что никто потом не пожалеет о разбитом стекле, даже если это стекло не простое, а венецианское. Вот, наконец, она села. Нервно взяла и заглянула в какую-то газе-

ту, надеясь найти в тексте хоть какую-нибудь спасительную информацию. Такой не оказалось, и газета с шелестом полетела в другой конец комнаты. После этого наступило кратковременное затишье.

– В чем виновата газета? – зачем-то спросил я, причем, как оказалось, на свою беду.

– Ты спрашиваешь, в чем виновата газета? – ее глаза сверкали.

– Да, – ответил я как можно спокойнее.

– Ты спрашиваешь, в чем виновата газета??!!

– Да. Ты что, пьяная? – спросил я так же спокойно, борясь с вырывающимся наружу смехом.

Ответ последовал в виде летящего в меня шерстяного носка, который она извлекла из-под дивана, и который был засунут туда мной в творческом порыве и благополучно забыт (мной же).

– Вот! – Таня показала на носок. – Вот в чем виновата газета. Это все из-за этих бумажек в доме какой-то бардак, бедлам! То ты читаешь, то ты пишешь, то наоборот. Неужели нельзя соблюдать элементарные... правила? У каждой вещи должно быть свое место. Вчера книга на плите, сегодня носок под диваном, а завтра? Что будет завтра? – она на мгновение растерялась. – Это не рассеянность, нет. Ты все делаешь мне на зло!

Я отложил бумаги, встал и подошел к ней.

– Ну все, – обнял я свою половину, – успокойся. Неужели

ты взъелась из-за этих пустяков?

Она слабо улыбнулась:

– Нет.

– В чем тогда причина?

– В воде.

– Как в воде? – тут уж я начал что-то недопонимать, но догадывался, что у женщин есть странное заболевание, называющееся ПМС.

– В горячей воде, – говорила она уже как ребенок, которого надо пожалеть. Какая фантастическая изменчивость!

– А кто же ее нагрел?

– Вот именно! Это свинство – отключать горячую воду в июне. Посуду толком не помыть. Стоишь, как дура, под холодным душем.

– Но это же не повод для потери стольких нервных клеток.

– Вот именно, я понимаю. – говорила Таня, уже окончательно успокоившись. Она медленно начала расставлять все предметы по местам, даже газету. Руки ее потянулись к моим (ну зачем?) бумагам. Осторожно взяв один лист и пристально вглядевшись, она начала разбираться в писанине. Брови ее недоуменно поползли вверх.

– Что это? – спросила она так, как будто там не буквы, а щенок нагадил.

– Я просто решил успокоиться. Ты же знаешь, сильное эмоциональное напряжение на работе, и я только так могу успокоиться, – начал я, немного оправдываясь. Она, к несча-

стью, понимала мой тон и пользовалась этим.

– Нет, ты мне скажи, что это?

Я чувствовал наступление бури в стакане.

– Что э-то? Какой-то бред!

Она посмотрела так, как – будто я предложил ей прочитать вслух Кама Сутру перед многотысячной толпой. Но все же начала.

– Комод был настолько стар, что уже не помнил, из какого дерева он был сделан. Мудрый шкаф говорил, что из ореха, а братья-стулья – что из дуба. Из-за таких пробелов в памяти над ним уже начали посмеиваться. Однажды стол нарочито громко сказал, что хозяева не доверяют старому комоду, как прежде, и шелковое белье теперь хранят в другом месте, чтобы не пропахло «мудрой» стариной. Комод не обращал внимания на то обстоятельство, что он стал объектом всеобщих насмешек. Даже глупые табуретки на кухне смеялись над ним как можно громче, не зная, что век их намного короче века комода. В тех табуретках не было никакого благородства, ведь сделаны они наполовину из пластика. В некоторых местах некогда красивый мерцающий лак сильно истерся, но это не расстраивало комода. Он гордо показывал всем печати времени на своем теле, в отличие от шкафа, который прятал уродливые трещины внутри себя. Всем казалось, что комод молчит, потому что ждет своего последнего часа. Комод действительно его ждал. Он хотел повторить подвиг старого буфета, который простоял на чердаке девят-

надцать лет. Хозяева, боясь, что он скоро развалится, разломали его на мелкие досочки для камина. Буфет был горд, что последние минуты его жизни принесут его хозяевам пользу – им стали растапливать камин долгими зимними вечерами. Это очень нравилось детям, они разговаривали с каждой досочкой, прежде чем положить ее в топку. Комод тоже представлял себе такую судьбу. Лучше кремация, чем гниение в земле. А уж он-то не подведет, будет гореть ярко, сине-зеленым пламенем, издавая чуть терпкий аромат от натурального лака. Это что, маразм?

– Ну почему сразу же маразм? Ты посмотри, здесь же глубокий философский смысл. Это же ясно морской свинке.

– Значит, я не морская свинка. – Таня повертела листками, но продолжила. – Утром приехала машина, и комод вынесли трое рабочих. Шкаф злорадно улыбнулся. Еще бы, ведь теперь он самый старый, а значит и самый мудрый в доме. Стол сделал вид, что ничего не замечает. Братья-стулья, обитые темно-зеленым плюшем, понимали, в отличие от шкафа, что скоро их ждет такая же участь, и по их ножкам текли слезы. Только глупые табуретки громко выражали свои эмоции, на что старая этажерка сказала, что они вульгарны. Но табуретки продолжали щебетать бессмысленные фразы, типа «меньше народу – больше кислороду», «старость – не радость» и тому подобное. Комод гордо вышел из дома с помощью рабочих. Он отказывался верить в то, что его ведут на свалку. Он так хотел хотя бы еще немного при-

нести людям пользы... Его привезли в небольшой дворец (он жил еще старыми понятиями, ведь это был никакой не дворец, а простая мастерская). Повсюду пахло свежей древесины. Какой-то человек сказал, что что-то выйдет в копеечку. Что – не понятно... Комод очнулся через месяц. Он чувствовал себя прекрасно, как в юности. Сначала он подумал, что это и есть рай. Но вокруг него толпилось много людей. Все показывали на него пальцем и говорили, какой он красивый и благородный, и из какого редкого кедра он сделан. Комод стоял на пьедестале, окруженный со всех сторон красными толстыми веревками. Стоявший невдалеке чемодан из крокодиловой кожи тихо шепнул ему, что попасть в этот музей – большая удача и еще большая честь. В старом же его доме на столе лежала газета, и стол рассказывал всем последние городские новости. После прочтения статьи о поступлении в исторический музей новых ценных экспонатов старый шкаф сошел с ума от зависти и умер – стал разваливаться буквально на глазах. Для всех остальных комод стал героем. Только табуретки на кухне, не понимая всей важности происходящего, стали кричать, что они тоже когда-нибудь будут выступать в музее. Кто знает...

– А теперь слушай, бумагомаратель.

– Так. Это уже грубо, слишком грубо.

– Ну ты, Толстой, лучше бы телефон провел в спальню.

Сколько можно просить?! В конце концов, выбирай – я или комод!

– Какой комод? – если я начал тормозить, то это верный показатель надвигающегося гнева.

– Комод, который из редкого кедра. Мне мама сразу сказала, что из тебя ничего не выйдет. А я, дура...

– Вот именно.

– Что? – Тайфун Эль-Ниньо стремительно приближался к берегам Америки. – Я? Дура? А кто тогда ты со своей писаниной?

– Ну хватит! Ты уже и так слишком далеко зашла. Я ничего не говорю про твое вечное вязание каких-то бесполезных шарфов, которые ты потом сразу распускаешь. Не ты ли говорила, что это снимает стрессы?

Не найдя подходящего ответа, Таня ломанулась в ванную, нервно захлопнув дверь и включив воду.

Я же схватил ключи от машины и, уже собираясь выйти из квартиры, постучал в дверь ванной и зло спросил:

– Ну что, уже дали горячую воду?

После всего этого, сидя в машине, я думал, что нам была нужна и даже необходима такая взбучка. Ну, может мы и зашли слишком далеко. Не знаю.

Накатав километров пятьдесят, я твердо решил заехать в цветочный магазин и купить ей цветы. Наверное, раньше я делал это не так часто, как хотелось бы. Но лучше поздно, чем никогда. (Женщины-читательницы, наверное, просто сгорают от желания прикончить меня после этих слов.)

Как бы то ни было, я купил прекрасный и огромный (как я

полагаю) букет бордовых тюльпанов и, чувствуя себя Отелло, который решил простить Дездемону, переступил порог квартиры.

Подозрительная тишина – первое, что я заметил. В голове сразу созрело несколько версий. Я кинулся к шкафу, – так и есть, все платья отсутствуют, а с тумбочки исчезла многочисленная косметика и иные принадлежности (неужели все уместилось в чемодане?). Я кинул цветы на кровать и сел рядом. Мое внимание привлек лист бумаги, прикрепленный к зеркалу. Красивым и старательным почерком было написано: «Я в отпуске».

Я, конечно же, воспринял это как шутку. Все женщины взбалмошные, а особенно эта. Сейчас сидит, наверное, с чемоданами у одной из соседок и ждет, когда я заявлюсь за ней.

Ну что ж. Пойдем до конца. Постояв на распутье минут десять, я решил пойти за ней.

Как оказалось, у всех знакомых мне соседок ее не было.

Тогда я взял записку и снизу подписал: «Я тоже».

И вот, по дороге за билетами в свой отпуск у меня прокололо колесо. Если бы я хоть немного догадывался, какой это будет отпуск, то решительно навсегда забыл бы дорогу в авиакассу и туристическое агентство и работал бы лет пять без единого выходного.

Благополучно пережив кризис и поменяв колесо, я доехал до нужного мне объекта, где в тот день, оказалось, работала наша общая знакомая Ирина.

Вместо приветствия она спросила:

– Вы что же теперь, всегда будете по очереди ходить?

– В каком смысле?

– Да твоя приходила прямо перед тобой, правда билеты не у меня заказывала. Так что ты не беспокойся, все уже сделано. Заказала два билета и убежала.

– Как два?

– Так два, – засмеялась Иринка, – ты и она, вас же двое. Два билета, сейчас я посмотрю, куда... – И пальцы ее забегали по клавиатуре.

– Нет, нет, – говорю я в оцепенении, – не надо говорить куда, я знаю. У тебя есть рядом телефон?

– Конечно, есть. – Она протянула мне в окошко трубку и попросила назвать номер, что я и сделал.

– Саня, алло! Это ты?

– Да. – Как ни в чем не бывало ответил мне голос на другом конце провода.

– Это я!

– Привет, Я.

– Нет, стой, мне не до шуток.

– А что случилось?

– У тебя когда отпуск?

– Хоть завтра.

– На Санторини поедешь?

– Да что я вам мешать там буду, едите вдвоем.

– Нет, Саня, поедем мы с тобой одни.

– А-а, мы ведь с тобой лет пять назад собирались туда поехать. Помню. А что случилось-то?

– Я потом объясню. Читай мне данные паспорта на билеты и визу. Через дней десять будем плескаться в море и клеить девчонок. А сегодня я приеду ночевать к тебе.

– Ладно, в порядке, все понятно, не дураки.

Записав все необходимое, я передал трубку обратно. И продолжал задуманное.

– Значит так, Ирин, на двадцать восьмое до Афин. Я надеюсь, визу дадут без проблем. А там местной авиакомпанией до Санторини. И все по два, не забудь.

– Значит так, на двадцать восьмое до Афин билетов нет. Сегодня два последних купили. Есть на третье июля. Тебе туда и обратно?

– Нет, только туда, обратно не надо.

Мне, конечно, стыдно, но уже вечером я плакался Сане в жилетку: как меня бросили, с каким-то мужиком, а я даже (!) цветы купил. Саня все кивал и кивал, а на последний факт отреагировал как-то так:

– Уау!

Уже засыпая, я подумал, а как же там она, Таня? Наверное, сейчас уже обо всем жалеет. А вдруг она к бабке своей поехала. Но зачем тогда два билета? А она ведь так хотела этим летом поехать на Санторини. Не надо было трогать мой комод. А мне вообще надо было молчать, вдруг у нее проблемы какие были со здоровьем, вот она и нервничала.

Потом я вспомнил записку.

Нет, мы же взрослые люди. Пусть мы и питаем друг к другу нежные чувства, все же необходимо на некоторое короткое время побыть раздельно. Сильнее соскучимся...

2. Бег по кругу

Летя в небольшом самолете до Санторини, мы с Саней успели пропустить по три рюмочки водки, и собирались было уже завести шарманку – запеть любимую песню, да не тут-то было. Маленький самолет попал в такую большую воздушную яму, что если бы не последующие наши приключения, тот факт присутствия воздушной дыры на нашем пути был бы одним из самых нервощекотящих событий в моей жизни.

Сложилось впечатление, что мы парили в воздухе минут десять, после чего, уже у самой воды, наконец, опять набрали высоту.

Сане стало плохо...

После стольких часов полета в течение одного дня ему уже не нужна была никакая Греция, ни море с солнцем, ни даже дикие пляжи с натурастами, которые были в свое время чуть ли не главным доводом для принятия решения поехать именно на Санторини.

Через пять минут мое имя, судя по его нечленораздельной речи, стояло, как минимум, рядом с именем Люцифер. Ну вот, и здесь я – крайний. Но ничего, я достал свою дорожную фляжку с любимым виски, открыл и сунул ему под нос, после чего он, не выдержав, сиганул в туалет. А я сидел и громогласно ухмылялся на весь салон. По-видимому, уже

тогда со мной было что-то неладное.

Приземлились мы благополучно, несмотря на зеленый цвет лица Алехандро. На острове было не слишком жарко, видимо из-за сильного ветра с моря, но мне теперь уже ничто не сможет испортить настроение. Поздно. В отпуске я совершенно другой человек.

Недорогой отель, забронированный мной по телефону еще из дома, назывался, ни много ни мало, «Санторини». В *ресепшн* нас спросили, не будем ли мы против, пожить некоторое время в двухкомнатном номере, что предполагало наличие не только спален, но и гостиной. Это вместо заказанного мною ранее просто двухместного номера. Мы, конечно, не отказались и довольные въехали в просторные апартаменты на первом этаже.

Итак, да здравствует отдых, заработанный за два долгих года собственным потом и кровью, а также возвращение логического мышления!

В первый же день, около пяти часов, мы побежали искупаться и посмотреть – куда же нас занесло на этот раз.

Море сделало свое дело, – расслабило настолько, что я стал наподобие медузы с кашей вместо мозгов в голове. Зато какое спокойствие и умиротворение... Чистейший пофигизм. Ради такого стоит жить, работать и тратить заработанное.

Бело-голубая архитектура Санторини налагала отпечаток нереальности на все происходящее. Где-то в нескольких де-

сятках метров от нас громко заиграла музыка, – это в трактирах начинают готовиться к вечерним празднествам. А мы с Саней просто лежали, распластавшись, на горячем песке, смотрели на горизонт и вспоминали школьные и студенческие годы. И... так же просто сгорели.

О, это вечное испытание! Я уверен, если бы рядом была Таня, то этого бы не случилось, ведь женщины всегда таскают с собой всякие кремы-пены, особенно когда идут на пляж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.